

Веч. Москва - 2000 - 26 янв - с.5

Полунин и его Дьяболо

Он делает что хочет, где хочет и когда хочет

Вячеслав Полунин получил премию «Триумф», сыграв на сцене «Новой оперы» спектакль «Snow show», с которым объездил весь мир (даже Гавайи) и пообщался с вашей корреспонденткой до и после представления. Количество артистического и политического бомонда на его спектакле позволяло предположить, что клоунада возведена у нас в разряд важнейшего из искусств. Если это клоунада Вячеслава Полунина.

Ольга ФУНС

Рукав пальто, откуда внезапно появляется воспоминание о самой сильной любви; два свистка и два шарика, с помощью которых можно изобразить все многообразие семейных ссор; амурсы с подбитыми молями крыльями, которые буквально расстреливают клоуна любовными стрелами; снежный буран, который замечает одинокую фигурку в желтом балахоне... Андрей Вознесенский восклицал, как ребенок, Борис Березовский тщетно отряхивался от валившего бумажного снега, Чулпан Хаматова самозабвенно режись в снежки с кинопартнером, Виктор Шендерович оттачивал волейбольные способности на надувном «шарике» размером с малую планету. В общем, как пел Высоцкий, «двери наших мозгов посрывало с петель» от внезапно свалившегося на Москву «Snow show», в кои-то веки сыгранного в Москве.

Перед спектаклем: «Я не могу здесь весь зал полностью подчинить действию — больно люстры дорогие. Но вообще люблю, когда публика вместе со мной вовлечена в происходящее. Я часто выступаю на оперной сцене, мне нравится сочетание эпического пространства оперы и жалкой фигурки клоуна. Похоже на последнюю сцену из «Короля Лира»».

— Вы, Вячеслав Иванович, зываете свой жанр трагической клоунадой. А вам не приходило на ум, что в этом словосочетании, которое породил XX век, есть какой-то нонсенс?

— У каждого века своя трагедия, и я не думаю, что наша атомная бомба страшнее, скажем, чумы XIII века. Просто искусство развивается, и явление, допустим, в театре Станиславского или Гротовского отталкивается во всех искусствах. Клоун сегодняшний должен ориентироваться на публику, которая читает новейшую литературу, смотрит сюрреалистов и так далее. Клоун должен вбирать в себя всю культуру. «Вбиравание» трагедии в комедию — вполне естественный этап развития. Следующий этап, для меня, по крайней мере, — это метафизическая клоунада.

— **Во время вашего «Шоу» москвичи смеялись даже во время самых грустных эпизодов. Вас устраивала такая реакция?**

— Я люблю разнообразие. Я могу сделать этот спектакль абсолютно смешным, а могу вас почти напугать. Я люблю поворачивать его то вправо, то влево. Я слушаю настрой публики, я слушаю себя, хочу ли я повести ее за собой или пойти у нее на поводу. Но жизнь настолько интересна, что вписывать ее в какие-то рамки или ломать рождающуюся атмосферу ради своих принципов я не хочу.

Перед спектаклем: «Я не знаю, сколько артистов сегодня будут играть спектакль. Они все приезжают и приезжают. Иногда мы его вдвоем играем, а сегодня, наверное, будет человек двадцать».

О Караване мира

— Это очень красивая история. Те, кто с этим соприкоснулся, были уверены, что достигли такой счастливой вершины, о которой можно только мечтать. А вся идея родилась из-за того, что мне захотелось в конце XX века показать изначальную суть актерства как образа жизни. Актеры — кочевой народ. Исполнители они болтались по Европе, из страны в страну. Где находили свою публику, там и оставались,

пока не надоедали и не получали под зад коленом. Когда-то это были кибитки, а теперь... Знаешь, есть такой фестиваль цыган — я однажды специально к ним съездил. Где-то под Марселем они арендуют каждый год огромную территорию на сотни гектаров. Но пресловутых шатров и коней там не так уж много. В основном цыгане приезжают на огромных «мерседесах», к которым прицеплены шикарные трех-, четырехкомнатные квартиры с каминами, с мраморными ваннами. Так современные цыгане болтаются по Европе. Они сумели сохранить свою суть, хотя и впустили к себе цивилизацию. Не каждая нация может позволить себе жить так, как решила. Я им очень завидую. Мы попытались сделать что-то похожее. Конечно, у нас не было «мерседесов» и пятикомнатных квартир на колесах. Но нам удалось привезти из Югославии пятнадцать домиков на колесах, выменяв их на вагон чугуна. Уговорили министерство машиностроения дать нам «москвичи» и «жигули». Три года мы готовили наш караван. Я объездил всех министров культуры Европы, собрал три миллиона долларов. Просидел по полгода во всяких наших министерско-профсоюзно-комсомольских кабинетах, но от России деньги дал только СТД. В итоге к двадцати основным театрам «прибилось» еще что-то около сорока театров. По Европе двигался огромный город на колесах — с кошками, собаками, бельем на веревочках, цветами в горшках. А когда мы цыганским табором заняли весь сад Тюильри, весь Париж сбегался на нас посмотреть. В общем, мы выразили идею того, что человек свободен и делает, что хочет, где хочет и когда хочет.

О доме

Дом — это моя огромная мечта. У меня есть, конечно, квартира в Петербурге, где живет моя мама и где я провожу два-три дня в году. А так я живу года по два в каждой стране, пока не надоест. Там и мой дом — семья, библиотека, реквизит, мастерские. Два года я жил в Париже, потом в Монреале, потом в Нью-Йорке, теперь четыре года в Лондоне, который мне уже надоел, но я еще не решил, куда сейчас поеду — в Париж или Амстердам. Я так устал от этой жизни! Но я так люблю эту жизнь! И потом я никак не могу решить — вот то место, где я хотел бы остановиться... Месяца на три в году вместо трех дней.

Я когда-то изучал иностранные языки. Но потом понял, что за границей мне в языках все равно не угнаться. И за детьми. Поехали мы как-то в Италию, а с нами девочка лет семи, которая жила там с родителями год. Итальянцы, как известно, не говорят ни по-английски, ни по-французски. Представляешь картину: стоят взрослые дяди, говорят о каких-то шнурах, переключателях, а между ними вот такой клоп спокойно все это переводит.

— **Культовые словечки вроде «асиссий» или «льзя» вы для себя нашли в других языках?**

— Я вообще не очень тянусь к тому, что уже сделал один раз. И потом наши социальные категории — «льзя-низя» — там не нужны. Французы больше всего ценят у меня поэзию, англичане — абсурдизм, американцы — вельселее начало. И всем кажется, что они меня понимают. Конечно, больше всех меня понимают русские. Это от нашего Акакия Акакиевича пошло — способность к жалости, состраданию и самоиронии.

Перед спектаклем: «У меня есть один потрясающий актер, Ануфрио Калюччи — я его во время



Евгений ШЕВЦОВ

Досье «ВМ»

Вячеслав Полунин — клоун, мим, актер, президент Международного театрального центра «Академия дураков». В 68-м году под крышей Ленинградского театра «Лицедеи» собрал группу единомышленников. Наиболее знаменитые номера и шоу «лицедейского» периода: «Асиссий-ревию», «Фантазеры», «Картины с выставками», «Петрушка», «Ночь на Лысой горе», «Телефон», «Уличное шоу «Катастрофа». Снял в фильмах «Как стать звездой», «Лицедеи», «Небывальщина», «Привет, дуралеи». Последние годы Полунин живет и работает за границей.

Венецианского карнавала на улице нашел. Он абсолютно сумасшедший, но мне понравился, как он заводит публику. Я взял его с собой, и через две недели он уже выучил свою роль. Есть потрясающий артист из Эстонии — этакий типаж Муссолини. Есть актриса из Бразилии — во-о-от такой ширины. Ее в Лондоне очень любят.

О женщинах...

Моя жена — и актриса, и администратор, и мама. Она очень страдает, что у нее нет дома. И в каждом уголке мира пытается создать уют. А уголки мелькают... Сейчас она стала замечательной клоунессой, ее персонаж, зеленый, — мой самый любимый. Мы слишком много обсуждали наши спектакли, и она теперь лучше всех понимает, в каком направлении мы идем. А вообще женщинам очень сложно в клоунаде, потому что им надо отказываться от идеи «Я должна быть красивой». А ведь женская идея жизни — абсолют красоты. И это правильно, должен же кто-то уравнивать ужасность нашей жизни.

... и о мужчинах

— **Тогда мужчина клоун должен отказаться от стремления быть умным.**

— Главная проблема клоуна, особенно клоуна-интеллектуала, выглядеть глупым. Очень многие

хорошие клоуны не могут перешагнуть через интеллект. Он выходит, и ты видишь — умный. Главная моя проблема — перестать думать на сцене, погрузиться в естество моего персонажа, который живет интуицией. Размышление — мое естественное состояние, но, наверное, это меня все-таки профессия заставила. Я, может, по природе своей был бы лириком-флегматиком, а профессия сделала меня деятельным сангвиником или даже холериком.

— **Как же вы интеллект-то отключаете?**

— Есть несколько вариантов. Можно напевать какую-нибудь глупую песенку (что-то вроде «Я моряк, красивый сам собою, мне от роду двадцать лет») и впадать в радостное состояние. Можно просто расконцентрировать взгляд и отключиться от мира, глубоко задумавшись над неразрешимой проблемой, вроде: а куда я хочу пойти, направо или налево?

О Дьяболо

Мы с Михаилом Шемякиным придумали спектакль, которому уже давно пора выйти на поверхность, — «Дьяболо». В этом слове заключается все то, что я хотел сказать спектаклем. С одной стороны, так называется веселая детская игрушка, с другой — сильная связь с тайной стороной жизни. Мне хотелось соеди-

нить игру и опасность. Вообще спектакль должен отражать полностью меня на данный момент. Пока я не найду для этого соответствующую форму, я спектакль не выпущу. Но тут другая история — требуется некоторое количество денег. Миша Шемякин — человек разгульный, как и я, и уж если он оформляет спектакль, то он займет своими объектами все сверху донизу — живого актера не всунешь. Его мир бесконечен. Мы ждем, когда найдется организация, которая все это оплатит.

— **Вы прямо как Воланд — «никогда и ничего не просите...»**

— Я раньше просил. А потом понял, что это отнимает слишком много времени и сил. В конце концов все и так произойдет.

— **Валерий Гергиев пригласил вас поставить «Любовь к трем апельсинам». Вы хоть представляете себе, как будете работать с оперными артистами, которым важнее всего, звучит ли у них голос?**

— Честно говоря, не представляю. Но получилось же это у Роберта Уилсона. У него потрясающие оперные постановки, и я мечтаю, чтобы он поставил что-то со мной.

Перед спектаклем: «У меня есть 91 фильм Чаплина. У меня есть 14 книг о Чаплине — все, что выходило в России. У меня есть папка вырезок о нем. Мой сын

Живая натура

знает наизусть все его картины — может любую рассказать с любого места. Но однажды я понял, что наши пути с Чаплиным разошлись, и я больше ничему не смогу у него научиться. Однако он так сильно вдохновляет меня, что стоит мне посмотреть кадр из фильма «Огни большого города», и я готов выскочить на сцену как ошпаренный».

Про имидж

Я знаю все, что до меня было сделано в клоунаде. Несколько лет в библиотеке просидел. Знаю все формы носов, башмаков, париков. Отдельно изучал мультипликацию — мой любимый вид искусства. У меня огромная коллекция мультфильмов. Обожаю живопись. В моем доме одна стена — это полка с книгами и альбомами по сюрреализму. Конечно, это все сидит в подкорке, когда я придумываю новые спектакли.

А прическа... Раньше другая была — еще с передком. Теперь только сзади осталось. Раньше, выходя на сцену, я устраивал анархизм на голове, потому что клоун — анархист по природе. После этого очень жалко было расчесываться и выдирать целые клоуны. Я перестал расчесываться, и теперь волосы мои живут абсолютно самостоятельной жизнью.

Перед спектаклем: «У меня есть один любимый клоун, знаменитый Джордж Карл. Он уже старый, выступает раз в несколько месяцев. Я приехал к нему в Лас-Вегас и несколько дней тщетно пытался его найти, пока кто-то мне не шепнул его адрес. Прихожу — маленькая каморка с грудой тряпья, которая шевелюлась, и оттуда выползло какое-то чудовище. Это и был Джордж Карл. «Не обращай внимания», — говорит, — я здесь просто сплю, а живу в другом месте». И повез меня за город, где у него буквально дворец выстроен. Правда, дворец весь в паутине, потому что там никто не живет. Подтащил меня к полуметровой горе кассет и говорит: «Выбирай». Конечно, он меня тоже видел, иначе не стал бы со мной возиться».

О детях клоунов

Отросла у меня в Италии борода. «Ты — прямо Карл Маркс», — говорит мне жена. А сын Баня ее поправил: «Ты, мам, ошибаешься, у братьев Маркс не было Карла». Современный ребенок.

— **А развлечения у него современные?**

— Мы очень следим за его занятиями. Можем телевизор ему вырубить на полгода или компьютер с играми выбросить. И ему ничего не остается, как заниматься живописью и выступать на сцене. Но нам проще — мы обособленное государство, болтаемся по миру. Если бы у сына было двадцать друзей и все бы играли в компьютерные игры, было бы сложнее его ограничивать. Но у него другие друзья — один в Париже, другой в Лас-Вегасе. Они перезваниваются — а когда твой цирк едет в Европу? Здорово, значит, мы в Барселоне пересечемся. Грустно, конечно. А с другой стороны, это фантастическая жизнь.

Вместо послесловия: «Если вы увидите, что я начал работать здесь, значит, в стране что-то изменилось. А то ведь смотри: запланировал я гастроль, а рубль обвалился — одна ситуация. Миша Шемякин привез свои декорации, а вывезти не может — другая ситуация. Кто-то начал заниматься моими гастрольями и вдруг исчез — третья. Что-то все время мешает нормальной циркуляции культурных процессов. Но появление таких вещей как Чеховский фестиваль или «Триумф» доказывает, что какие-то прорывы случаются».

Прорывы и впрямь случаются. В мае Вячеслав Полунин сыграет в Москве уже не один, а несколько спектаклей. Говорят, в Москве ему предложили создавать свой театр. А на будущий год он с помощью учеников театров Европы устроит огромную бучу во время Международной театральной олимпиады. Например, его «бойцы» будут копать забытые автобус (символ цивилизации), жарить его на первобытном вертеле, нарезать ломтиками и подавать публике. Клоуны, одним словом.